

Памяти Р.Ш.Ганелина

Потрясены вестью о кончине Рани Ганелина. Потеря огромна и невозполнима. Уходит первое послевоенное поколение гуманитариев, на чью долю выпало переосмыслить то, что случилось с нашей страной в предшествовавшие десятилетия, восстановить в правах нестесненный научный поиск и очистить историческое знание от фальсификаций и умолчаний. И еще - возродить "связь времен" - поколебленные были традиции русской интеллигенции, нравственные критерии и чувство человеческого и гражданского достоинства. Раня Ганелин был одним из первых и самых ярких среди этой плеяды.

Мы пришли из советской школы на истфак Ленинградского университета в конце 40-х годов, когда там прокатывались последние волны идеологических (и не только) погромов и гонений и бдительные люди энергично внедряли в неотягощенные серьезными познаниями умы молодых людей каноны "единственно верного учения". Раня был старше, образованнее, проницательнее и умнее большинства из нас. Знакомство с ним, короткие разговоры, случайно, как казалось, брошенные им реплики, замечания, шутки помогали самоопределиться в атмосфере господствовавшей злой мифологии, обратиться к серьезным книгам и к немногим остававшимся еще на факультете истинным ученым. С благодарной памятью вспоминаем нашего общего с Ганелиным учителя - профессора русской истории Бориса Александровича Романова.

А потом пришли другие времена, дышать и работать стало чуть свободнее, догматика и "идеологическая дисциплина" стали сдавать позиции, хотя и неохотно, то и дело пытаясь их отвоевать. Р.Ганелин нашел свое место в Ленинградском Институте истории РАН (сначала - ЛОИ), и замечательный этот институт, собравший в своих стенах многих наших товарищей и соучеников, обрел в его лице первоклассного ученого, гражданина и человека. Его личный вклад в приращение незамутненного исторического знания и просвещение шедших за нами поколений был огромен. Историк по призванию, он был фантастически работоспособен.

Под его именем и его редакцией были опубликованы ценнейшие первоисточники, фундаментальные монографии и мемуары. Многие из его книг были отмечены престижными премиями, вызывали живой отклик на конференциях, в печати. Очень жаль, что работы эти, как теперь повелось, изданы очень небольшими тиражами - их сейчас найдешь не в каждой библиотеке. Он работал до последних дней жизни. Назовем лишь три последние его книги, стоящие у нас на полках. Одна - страницы воспоминаний о 1940-1970-х годах: о чем говорили советские историки, что обсуждали в частных разговорах между собой уважаемые и очень разные люди - ценнейшее свидетельство духовной и интеллектуальной жизни представительной группы советской интеллигенции, вынужденной существовать в жестких рамках коммунистического режима. Другая, в которой собраны неопубликованные и ранее публиковавшиеся, но затерявшиеся в малотиражных сборниках и журналах статьи: они позволили по-новому осмыслить переломные события и по-иному взглянуть на ключевые фигуры российской истории в XX веке. И третья, содержащая убедительную интерпретацию советско-германских отношений в 1939-1941 гг., освещающую тяжкую и позорную страницу нашей истории. Это тема, которую тщится закрыть нынешний исторический официоз, пытаясь затушевать принципиальное родство сталинского и гитлеровского режимов. Одни лишь эти, навскидку взятые

работы из научного и мемуарного наследия Р.Ганелина позволяют оценить его место в науке и общественной жизни нашей страны. Они отчетливо противостоят современным поветриям политической и идеологической реставрации.

И еще надо вспомнить, что Раня Ганелин был добрым человеком, он был внимателен к окружавшим его друзьям и товарищам. Другом, неизменно старавшимся помочь и поддержать их в минуту жизни трудную, которых в те недавние времена у каждого из нас случалось немало. Мы это знаем по собственному опыту и всегда вспоминаем с благодарностью.

Он ушел не весь и не навсегда. Он - в своих замечательных книгах, в памяти родных и друзей, в уроках, оставленных ученикам и сотрудникам.

Алла Назимова
Виктор Шейнис